

Что деспотизм Грознаго былъ кощунственнѣйшей деградацией идеи православнаго «Государства Правды» (у Федотова, кстати сказать, прекрасно прослѣжено, какъ подъ перомъ царя-публициста искажается и упрощается московская мистико-политическая идеология), видѣли уже современники. Однако въ Россіи нарушить «безумное молчаніе» общества осмѣлился только одинъ человекъ. Правда, что позже, при Алексѣѣ Михайловичѣ, послѣдовало перенесеніе мощей св. Филиппа, обставленное такъ, что оно получило характеръ торжественнаго осужденія съ высоты престола той государственной системы, которую нельзя квалифицировать иначе, какъ «оскверненіе идеи православнаго царства» (слова автора) и вмѣстѣ характеръ всенароднаго покаянія въ грѣхѣ «безумнаго молчанія». Но уже сынъ царя Алексѣя, при молчаливомъ попустительствѣ народа и самихъ іерарховъ, подвергъ православную церковь новымъ униженіямъ. Ритмъ русской исторіи слагается изъ чередованія глубочайшихъ нравственныхъ паденій и моментовъ раскаянія, просвѣтленія и подъема, длительного угасанія идеи націи — когда «власть» и «народъ» перестаютъ быть «органами» одного организма, становятся внѣположными, духовно глубоко-чуждыми одна другой величинами, — и внезапнаго возрожденія идеи «всей земли»; — и эти смѣны столь рѣзки, контрасты свѣта и тѣни столь разительны, что невольно спрашиваешь себя, тотъ-ли это самый народъ сегодня, что былъ вчера и ощущаешь съ глубокой внутренней достовѣрностью незримое участіе въ его жизни какихъ-то сдержанныхъ, противоборствующихъ въ теченіе вѣковъ на попріищъ его исторіи злыхъ и добрыхъ силъ. Самой проникновенной философій русской исторіи надо поэтому считать «романъ-мистерію» Достоевскаго: «здѣсь Богъ съ Дьяволомъ борются, а поле битвы — сердца людей». Нѣкоторыя страницы книги Федотова, посвященныя опричиннѣ, гдѣ онъ мастерски воссоздаетъ психическую атмосферу заведеннаго Грознымъ «церковно-застѣночнаго быта», вызываютъ невольно въ памяти Записки изъ Подполья, Исповѣдь Ставрогина и наиболѣе жуткія главы Братьевъ Карамазовыхъ; — и такъ какъ нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы подозрѣвать автора въ «стилизацию» своего матеріала «подъ Достоевскаго» — тѣмъ болѣе, что онъ держится близко источниковъ и притомъ, въ упомянутыхъ мѣстахъ, какъ разъ такихъ (нѣмцы-опричники), чье безхитростно-циничное изложеніе является надежной гарантіей объективности, — то это сходство служитъ доказательствомъ, что сущность и историко-философскій смыслъ разсказанной авторомъ трагедіи угаданы имъ вѣрно.

П. Бицилли.

N. v. Bubnoff. Kultur und Geschichte im russischen Denken der Gegenwart (изъ серіи «Quellen und Studien» «Восточно - европейскаго Института» въ Бреславлѣ). Berlin 1927, стр. 57.

Эта небольшая книжка имѣетъ почти цѣликомъ характеръ конспекта или «переложенія» философско-историческихъ работъ на русскомъ языкѣ, вышедшихъ за послѣдніе годы. Только краткая вводная глава (стр. 5—12) и «заключеніе» (55—57) посвящены анализу «су-

щества и характера русского культурного развития и выросшего на почвѣ этого развитія мировоззрѣнія. Три центральныхъ главы книги посвящены — «Культурной проблемѣ въ русскомъ національномъ сознаніи современности» (13—18) — содержаніе этой главы является изложеніемъ «Переписки изъ двухъ угловъ», «предпосылкамъ русской философіи истории» (19 — 41), которая авторъ усматриваетъ въ подробно имъ излагаемой и критикуемой «Философіи истории» Л. Карсавина, и «русской метафизикѣ истории» (41—51), т. е. главнымъ образомъ «Смыслу истории» Н. Бердяева; крошечная главка посвящена «философіи культуры евразійцевъ» (51—55).

Ясное и отчетливое изложеніе дѣлаетъ эту брошюру пригодной для ознакомленія съ современной русской философійю истории, тѣмъ болѣе, что въ ней дается изложеніе на нѣмецкій языкъ не переведенной книги Карсавина. Необходимость изложенія, напр., «Переписки изъ двухъ угловъ» или книги Бердяева можно было бы оспаривать — вѣдь онѣ имѣются въ нѣмецкихъ переводахъ (переводъ первой даже принадлежитъ самому г. Бубнову). Такъ или иначе, но и эта работа г. Бубнова, уже въ теченіе ряда лѣтъ популяризирующаго въ Германіи русскую философскую и религіозно-философскую мысль, безъ сомнѣнія, не пропадетъ даромъ и окажется интересною и полезною для извѣстнаго круга читателей.

Мы хотѣли бы здѣсь сдѣлать только нѣкоторыя замѣчанія по поводу выполненія авторомъ ряда конкретныхъ задачъ, поставленныхъ имъ въ своей книгѣ. Г. Бубновъ подходитъ къ центральной главѣ своей книги—изложенію «Философіи истории» Л. Карсавина—отъ освѣщенія развитія философской русской мысли. Намъ представляется, что авторъ напрасно отказался отъ освѣщенія коммунистическаго материализма, полагая, что это — «отнюдь не продуктъ русскаго духа» (стр. 19). Но, конечно, мы вполне согласимся съ авторомъ, когда онъ утверждаетъ, что положительное философское творчество въ Россіи оригинально выявилось («пока» прибавили бы мы) въ различныхъ формахъ интуитивистической философіи. Г. Бубновъ останавливается на Хомяковѣ, Вл. Соловьевѣ, Лосскомъ и очень удачно привлекаетъ къ характеристикѣ русскаго интуитивизма истолкованіе философіи Гегеля, какъ интуитивиста въ книгѣ И. А. Ильина. Непонятно только отсутствіе даже упоминанія о С. Л. Франкѣ. («Предметъ знанія» котораго заслуживалъ бы особаго вниманія еще и потому, что эта наиболѣе значительная русская философская работа послѣдняго 20-тилѣтія совершенно неизвѣстна въ Германіи) и о П. Флоренскомъ (послѣднее тѣмъ менѣе понятно, что самъ Н. Н. Бубновъ перевелъ ... въ извлеченіяхъ — «Стоить и утвержденіе истины» о Флоренскаго на нѣмецкій языкъ). Во всякомъ же случаѣ заслуживали нѣкотораго освѣщенія связи русскаго интуитивизма съ западною философійю -- и связь Вл. Соловьева съ Шеллингомъ, и родство (не зависимость) новѣйшаго русскаго интуитивизма съ «имманентною школою», съ феноменологіей, съ англо-американскимъ неореализмомъ и т. д. заслуживали хотя бы упоминанія (г. Бубновъ упоминаетъ бѣгло только о Бергсонѣ), тѣмъ болѣе, что это родство неоднократно подчеркивалось и самими предста-

вителями интуитивизма. Тогда у читателя не осталось бы впечатлѣнія, что интуитивизмъ какое-то совершенно изолированное «чисто-русское» явленіе, и онъ не могъ бы заключить отсюда, что интуитивизмъ по отношенію къ западной философской традиціи совершенно «революционенъ» и что принимая его или надо отказаться отъ всего наслѣдія европейской философіи или — наоборотъ, оставаясь въ руслѣ философскаго развитія Запада — безусловно отказаться отъ интуитивизма — Еще усугубляется эта ошибочная перспектива тѣмъ, что авторъ и по отношенію ко всей русской мысли XIX вѣка высказываетъ сужденія (стр. 23 — 24), заставляющія читателя думать о какомъ то таинственномъ происхожденіи этой мысли «безъ отца». Правда, сильно вліялъ Шеллингъ. Но вотъ Гегель, молъ, хотя и вліялъ, но оставался никѣмъ не понятъ — ни критиками, ни сторонниками, которые де «понимали его, и судили о немъ... вполне съ точки зрѣнія лѣваго гегельянства» Г. Бубновъ забываетъ о Чичеринѣ, Дебольскомъ, Гогоцкомъ, Рѣдкинѣ, — не менѣе крупныхъ философски, чѣмъ нѣмецкіе «правые гегельянцы», но оставшихся безъ вліянія въ силу своеобразія русской философской культуры — или, лучше сказать, безкультурности; — въ Россіи были философы, но не было философской «атмосферы» и философской культурной жизни. Русскіе философы были во второй половинѣ XIX вѣка, пожалуй, болѣе оторваны отъ русскаго общества и въ большей степени лишены аудиторіи, чѣмъ нынѣ находящіеся въ эмиграціи мыслители. Вліяніе и успѣхъ имѣли только тѣ, кто не были, и только потому, что не были, «чистыми» философами. — Отсутствіе указаній на связь русской философіи съ западною отражается, какъ увидимъ, и на общихъ оцѣнкахъ г. Бубнова.

Но остановимся на основныхъ главахъ книги. Глава II посвящена «Перепискѣ изъ двухъ угловъ». Намъ представляется, однако, совершенно ошибочнымъ считать «Переписку» въ какомъ-либо смыслѣ характеризующею позиціи русской религіозной философіи. И въ частности — въ противоположность мнѣнію Н. Н. Бубнова — наипаче характерна для нея точка зрѣнія Гершензона, который самъ (если судить по отдѣльнымъ замечаніямъ, разбросаннымъ въ принадлежащихъ ему страницахъ «Переписки» и по его же «Судьбамъ еврейскаго народа») видѣлъ основу своей позиціи совсѣмъ не въ православіи, а въ юдаизмѣ. И та «общая почва», которая, по мнѣнію г. Бубнова, объединяетъ В. Иванова и Гершензона (страннымъ образомъ противопоставляемыхъ, какъ «поэтъ» — В. Ивановъ и «ученый» — Гершензонъ, — мы упогребли бы эти эпитеты скорѣе наоборотъ) — отрицаніе абсолютной цѣнности культурныхъ феноменовъ, которые де всю свою цѣнность и значеніе получаютъ отъ религіи — тоже не такая ужъ «специфически русская» черта. — мы найдемъ ее какъ у многихъ религіозныхъ мыслителей всѣхъ народовъ, такъ и въ частности въ нѣмецкой романтикѣ (у Зомьгера, Баадера) и даже въ нѣмецкомъ идеализмѣ, или, напр., у польскихъ «мессіанистовъ».

Глава III, кромѣ уже упоминавшейся характеристики русской интуитивной философіи, занята изложеніемъ и критикой «Философіи исторіи» Карсавина. Изложеніе это вполне отчетливо конспектируетъ ме-

тафизическія предпосылки и методологическія воззрѣнія Карсавина, но оставляетъ почему-то совершенно безъ освѣщенія **религіозно-философскія** предпосылки книги. Это, конечно, совершенно искажаетъ всю позицію Карсавина! Тѣ возраженія г. Бубнова Карсавину, занимающія въ небольшой брошюрѣ относительно мнѣго мѣста, бьютъ, по существу, мимо цѣли (г. Бубновъ, какъ и самъ онъ отмѣчаетъ, во многомъ слѣдуетъ за Бицилли); ибо, въ самомъ дѣлѣ, развѣ понятіе «человѣчество» у Карсавина много общаго имѣетъ съ обычнымъ понятіемъ человѣчества? «человѣчество» Карсавина есть понятіе **теологическое** и спорить противъ конструкціи Карсавина можно только, исходя отъ богословія. Мы отнюдь не считаемъ философію исторіи Карсавина безспорной, но полагаемъ, что спорить нужно только противъ того, что этотъ авторъ дѣйствительно хотѣлъ сказать. Основкой же религіозный (и казалось бы для г. Бубнова, желающаго отмѣнить «специфически русское», особо существенный) аспектъ исторіософіи Карсавина въ брошюрѣ совершенно игнорируется (какъ «русскую» черту философіи исторіи Карсавина, Бубновъ хочетъ отмѣнить, очевидно, «интуитивный» характеръ теоріи историческаго познанія Карсавина, — это также нѣсколько сомнительное утвержденіе, — интуитивная теорія историческаго познанія не является новостью).

Менѣе возраженій встрѣчаетъ глава IV, почти цѣлкомъ посвященная изложенію «Смысла исторіи» Бердяева и лишь на одной страничкѣ затрагивающая воззрѣнія о. С. Булгакова (отмѣчаемъ здѣсь съ удовлетвореніемъ, что г. Бубновъ, передавшій въ своемъ переводѣ отрывковъ книги Булгакова «Свѣтъ невечерній» ея заглавіе нелѣпымъ Tageslicht, сейчасъ передаетъ это заглавіе болѣе удачнымъ латинскимъ «Lux aeterna»). И здѣсь г. Бубновъ на русской счетъ относитъ черту, по нашему мнѣнію достаточно общечеловѣчески распространенную — устремленіе философовъ исторіи «за границы секуляризованной культуры» (48). Мы не согласимся бы также съ тѣмъ, что конструкціи Бердяева и Булгакова въ какой-то **особо-значительной** зависимости находятся отъ воззрѣній Достоевскаго (59—4, взгляды Достоевскаго также не переданы безошибочно; сужденія Достоевскаго объ Европѣ совсѣмъ не такое простое и однозначное — «Европа — кладбище!»). Авторъ въ отличіе отъ предыдущей главы оказывается отъ критики излагаемыхъ построений, т. к. онѣ являются «выраженіемъ религіозныхъ установокъ», которымъ «не могутъ быть ни опровергнуты ни доказаны» (51).

Глава, посвященная евразійцамъ до чрезвычайности кратка и особыхъ замѣчаній не вызываетъ (что касается «варварскаго» слова «Евразія», то оно вѣдь выдуманно не евразійцами, а Александромъ фонъ Гумбольдомъ).

Въ заключеніе — нѣсколько словъ о характеристикѣ, даваемой Н. Н. Бубновымъ русской философіи культуры. Эта характеристика, къ сожалѣнію, ограничивается слишкомъ общими положеніями. Основными чертами русской религіозной жизни являются «отрывненіе къ интеллектуализму» и «универсализмъ» (стр. 11). Эти черты, однако, слишкомъ общераспространены, чтобы (подобно ряду уже отмѣчен-

ныхъ выше нами чертъ, признаваемыхъ г Бубновымъ специфически русскими) служить существенными опредѣленіями именно русской философии и русскаго религіознаго мировоззрѣнія. — Характеристика русской культуры получается въ частности, можетъ быть, и правильная (хотя встрѣчаемъ, напр., врядъ ли вѣрную оцѣнку петровскихъ реформъ, какъ революціоннаго переворота; сомнительное утвержденіе, что русский народъ не отличается терпѣемъ и выносливостью въ борьбѣ за поставленныя себѣ цѣли; сомнительныя утвержденія о послѣднихъ годахъ жизни Гоголя — стр. 11 и др.), но въ цѣломъ неякая, невыразительная и бездоказательная.

Несмотря на отмѣченные недостатки въ качествѣ **информационной** брошюра г. Бубнова для нѣмецкаго читателя можетъ быть полезна.

П. Прокофьевъ.

Н. А. Клепининъ. Святой и благовѣрный великій князь Александръ Невскій YMCA-Press, Paris s. a. Стр. 202.

Житія святыхъ, издаваемые YMCA-Press, могутъ заинтересовать не только православнаго читателя. Посвященные, главнымъ образомъ, русскимъ святымъ, они являются памятниками русской культуры и въ то же время вѣхами русскаго самосознанія. Составленные въ разномъ стилѣ людьми разныхъ направленій православной мысли, они представляютъ опыты обновленія агиографическаго канона новыми научными и литературными средствами. Попытки эти не одинаково удачны, но всегда интересны. Наиболее значительны, хотя и пререкаемы, художественно - психологическая интерпретация житія св. Сергія Радонежскаго и богословская св. Серафима Саровскаго (авторы: Б. Зайцевъ и В. Н. Ильинъ). Книга Н. А. Клепинина, какъ это естественно, по самой ея темѣ, представляетъ опытъ интерпретаціи исторической.

Можетъ «опытъ», т. е. искомаго и спорнаго, заключенъ въ заданіи органическаго слиянія исторіи и агиографіи. Конечно, можно совершенно отрицать право агиографіи на существованіе, и тогда придется сказать, что книга Клепинина — талантливый историческій очеркъ, испорченный церковной тенденціей. Таково, вѣроятно, и будетъ мнѣніе многихъ читателей. Но въ такомъ случаѣ, будучи послѣдовательнымъ, надо отрпцать и всякую оцѣночную, философски-углубленную біографію. Біографія подвижниковъ духа не можетъ не быть усмотрѣніемъ и истолкованіемъ ихъ духовнаго опыта, — и такое истолкованіе не для всѣхъ убѣдительно. Однако, всякое иное обезкровливаетъ и обездушиваетъ самую тему, топить ее въ случайномъ и вяшнемъ.

Особенность агиографіи святого князя въ томъ, что героемъ ея является не человекъ «духовный» въ специфическомъ смыслѣ слова — т. е. не человекъ созерцательнаго, молитвеннаго подвига, а политическій дѣятель. Какъ политикъ, Александра Невскаго судить исторія, и судъ ея долженъ быть вполне независимъ отъ линой святости князя. Канонизація св. Александра не канонизируетъ политики Невскаго героя. Но, при чрезвычайной скудости нашихъ свѣдѣній о личности св. Александра, агиографъ стоитъ передъ очень трудной задачей Цер-